

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 32–39. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 32–39. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.6.1. Отечественная история
УДК 94(470)"1921/1922"
EDN FIIWFI
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД ЭПОХИ НЭП: ОТРАЖЕНИЕ НОВОЙ ЖИЗНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МЕСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Красильников Александр Сергеевич, аспирант, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, eslyy66@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5535-1341>

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ художественных текстов, выходивших в основных печатных СМИ города Вологды в период НЭП. Автор исследовал широкий спектр рассказов, фельетонов, стихотворений и басен местных литераторов. На основе этого был произведен анализ тематического разнообразия художественных произведений в газетах и журналах и степени содержания в них элементов агитации и пропаганды. В ходе исследования были выявлены особенности отображения и восприятия населением изменений в социальной сфере, которые последовали после принятия новой экономической политики.

Ключевые слова: история, художественная литература, газеты, НЭП, город, провинция, повседневность.

Для цитирования: Красильников А.С. Провинциальный город эпохи НЭП: отражение новой жизни в произведениях художественной литературы местных периодических изданий // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 32–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

Research Article

A RUSSIAN PROVINCIAL CITY OF THE NEP ERA: REFLECTION OF NEW LIFE IN WORKS OF FICTION IN LOCAL PERIODICALS

Alexander S. Krasilnikov, postgraduate, Vologda State University, Vologda, Russia, eslyy66@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5535-1341>

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of literary texts published in the main print media of the City of Vologda. The author examined a wide range of stories, feuilletons, poems and fables by local writers. Based on this, an analysis was made of the thematic diversity of literary works in newspapers and magazines and the degree, to which they contained elements of agitation and propaganda. The study paid special attention to the features of the display and perception by the population of changes in life sociality that had followed the adoption of the so-called New Economic Policy.

Keywords: history, fiction, newspapers, New Economic Policy of Soviet power, city, province, everyday life.

For citation: Krasilnikov A.S. A Russian provincial city of the NEP era: reflection of new life in works of fiction in local periodicals. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 32–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-32-39>

В условиях короткого промежутка относительной свободы эпохи НЭП (1921–1928 гг.) газеты становились важным зеркалом социально-экономических изменений, настроений и идентичности городского населения. Вологда как один из значимых провинциальных центров Северо-Запада России в этот период переживала важные трансформации, которые и нашли отражение на страницах СМИ. Анализ материалов вологодских газет и журналов позволяет проследить образ города в художественной литературе и журналистике, выявить особенности восприятия провинциальной жизни и её отражения в культурном дискурсе эпохи. Такой подход способствует расширению пред-

ставлений о роли печатных источников в культурной памяти региона и помогает осмысливать процессы формирования городской идентичности на материале конкретных исторических документов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли местных печатных изданий в формировании образа провинциального города в эпоху НЭП. В условиях быстро меняющегося социально-политического контекста именно газеты служили важным источником информации о жизни города, его проблемах и достижениях.

Целью данного исследования является анализ отражения общественной жизни Вологды в художе-

ственной литературе, публиковавшейся на страницах местных газет. Объектом исследования выступает социокультурный аспект городской жизни, а предметом – репрезентация общественных процессов и событий Вологды в период проведения активной новой экономической политики через призму художественных произведений, опубликованных в местных газетах.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1926 г., то есть до начала масштабных процессов свертывания политики НЭПа [Соколов: 125], что позволяет проследить особенности формирования образа города в условиях экономического подъёма, вызванного относительной либерализацией экономической жизни.

Вологда 1920-х гг. представляла собой типичный северный провинциальный город с преимущественно деревянной застройкой, богатой церковной архитектурой. Город был достаточно крупным, с населением около 40 тысяч человек [Коковин: 10]. Благодаря своему географическому положению и богатой литературной традиции Вологда по праву являлась важным центром литературной жизни Русского Севера [Непеин: 4]. Город находился относительно недалеко от двух крупных культурных центров – Москвы и Ленинграда, что способствовало развитию местной литературной жизни.

В 1920-х гг. город переживал период значительных перемен, связанных с восстановлением и развитием после комплексных кризисов послереволюционного времени. К началу 1920-х гг. бюджет губернского центра был настолько ограничен, что не обеспечивал быстрого восстановления городской инфраструктуры. Однако уже к 1921 г. начались первые шаги на пути к оживлению экономики и социальной сферы [Некрасов: 112]. Курс на быстрый экономический рост и развитие города был обозначен на VI губернском съезде Советов в декабре 1920 г. с участием председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета М.И. Калинина. На съезде обсуждались планы восстановления экономики региона. Экономический подъём в городе особо проявился в росте населения: в 1922–1923 гг. численность увеличилась почти на девять тысяч, а в последующие годы – еще более чем на две тысячи ежегодно, свидетельствуя о притоке рабочих и специалистов, привлеченных к восстановительным работам и развитию промышленности. В этот период началось внедрение элементов плановой экономики.

Судить о развитии экономики города мы также можем по работе банков. Так, уровень кредитования кооперативных и частных предприятий рос ежегодно [Лебедев: 34]. Таким образом, НЭП провоцировал быстрый экономический рост города, за которым следовали и социокультурные изменения. В особенно-

сти эти проявления новой экономической политики и изменений в жизни чутко воспринимались газетами и журналами [Владимиров: 5].

В первой половине 1920-х гг. в Вологде издавалось три крупные универсальные газеты для массового читателя: «Красный Север», «Вологодская жизнь», «Северянин». СМИ служили важнейшим зеркалом жизни, чутко реагируя на изменения в общественном сознании. Периодика 1920-х является важным источником по многим сферам жизни людей.

«Красный Север» – ежедневная партийная газета, являвшаяся органом нескольких партийных структур и органов власти; она оставалась единственной городской газетой, издававшейся на протяжении всего десятилетия, и продолжает существовать по сей день.

«Вологодская жизнь» выходила с июля 1922 по февраль 1923 гг. дважды в неделю, служила официальным органом Вологодского горсовета. В ней публиковались постановления городских властей, объявления, материалы по истории города, а также сатирические фельетоны, басни и стихи.

Газета «Северянин», издававшаяся с июня по октябрь 1922 г. (всего 18 номеров), представляла собой издание экономической направленности, выпускаемое бюро губернских организаций. На ее страницах публиковались фельетоны о НЭПе и городском хозяйстве, пейзажные стихи о природе Севера. «Северянин» была единственной частной газетой в городе, издавалась с июня по октябрь 1922 г. Издателем газеты было «Бюро Вологодских губернских экономических организаций». Интересно, что в активный конфликт с «Северянином» вступил «Красный север» [Петр от Вознесенья: 3], на что тот отвечал фельетонами. Так, мы находим такие строчки: *«Нет, каково! И бумагу нашли непманы и шрифт! И даже башмак в натуральном виде пропечатали! Вот, приблизительно, в каких выражениях приветствует появление “Северянина” “Красный Север”. Но этими ласковыми словами дело не ограничивается, “Красный Север” идет дальше. Он высказывает даже желание: Если “Северянин” не изменит своей физиономии (почему бы не сказать: с рожи, – было бы более стильно), то придется спросить: “диктатура, где твой хлыст?” Попросту говоря, это значит: Ежели ты такой сякой “Северянин” еще покажешься мне на глаза в таком виде, так я тебя, голубчика, так хлыстом “отлепортую”, что своих не узнаешь [Он: 4].* Этот локальный конфликт отображает не только борьбу за читателя, но и отношение редакции «Красного Севера» к частному изданию.

Помимо газет, важно отметить и журнал «Карусель», содержание которого практически полностью отдавалось под осмысление новой экономической политики. Стихи, фельетоны и рассказы журнала были юмористической и сатирической направленности.

Основное направление удара художественного слова – нэпманы, церковники и спекулянты, но также представлена сатира и на международные темы. «Карусель» – уникальное издание, единственный сатирический журнал Вологды и в целом одно из немногих подобных изданий на территории России в начале 1920-х гг. [Стыкалин: 312]

Всего в этих изданиях было выделено 762 произведения: короткие рассказы, стихи, басни, фельетоны и зарисовки. Из этого массива художественных произведений мы исключили тексты, посвященные традиционным советским мотивам: партийным лидерам, революции, труду и антирелигиозной агитации. Кроме критерия явной агитации и советского дискурса, мы также исключали произведения пейзажной лирики, общие бытовые зарисовки. Всего таких произведений нашлось 390 единиц. Получившаяся выборка была разделена на тематические категории.

В основе классификации лежит преобладающая идея произведения. Она выделяется с помощью часто встречаемых типажей, повторяющихся образов, сюжетов и тропов, что можно обобщить термином «социокультурный маркер» [Галиева: 14]. Именно социокультурные маркеры и позволяют отнести эти художественные работы в отдельные категории. Конечно, важно учитывать, что у каждого автора могут быть свои возобновляющиеся темы и идеи индивидуального творчества, но в данном исследовании мы берем большую хронологическую и тематическую выборку, что позволяет пренебречь авторскими особенностями.

Первая категория «Город и НЭП» охватывает произведения, в которых отражаются особенности развития городского пространства в условиях реализации новой экономической политики. В рамках данной категории исследуются темы модернизации городской инфраструктуры, социально-экономических преобразований, а также изменения в городской культуре и быте. Произведения этой категории позволяют проследить, как в литературе формировался образ города как центра перемен, прогресса и новых возможностей. Анализ таких произведений помогает понять отношение общества к процессам индустриализации, урбанизации и модернизации городской среды, а также их отражение в массовой культуре и идеологии того времени.

Категория «Пороки общества» включает произведения, в которых поднимаются вопросы социальных недостатков и деструктивных общественных явлений. Такие произведения часто имеют утилитарную функцию: служат инструментом критики существующих проблем и слабых сторон социального устройства. Фельетоны и рассказы здесь используют яркие образные средства для привлечения внимания к проблемам морали, порядка и социальной справедливости.

В категорию «Благоустройство города» включены произведения, посвященные вопросам улучшения городской среды: инфраструктуры, санитарии и внешнего облика Вологды. В рамках исследования эти художественные работы отражают стремление к созданию комфортного и современного городского пространства в условиях перемен эпохи НЭП. Анализ таких текстов показывает отношение общества к вопросам градостроительства, эстетики и санитарии, а также роль пропаганды благоустройства как части идеологии прогрессивного развития города. Эти произведения помогают понять ценности и приоритеты того времени в формировании облика современного города.

Категория «Город и деревня» включает произведения, в которых прослеживаются взаимосвязи и контрасты между городским и сельским образом жизни. Данная категория служит важным инструментом для анализа представлений о социально-культурных связях между городом и деревней, а также для выявления тенденций в изображении сельской жизни, её роли в общественной жизни.

Анализ показывает, что в газетах и доминирует тема «Город и НЭП», которая занимает практически половину (168 произведений, 43 %) от всех публикаций выборки. Это свидетельствует о значительной ориентации изданий на освещение социально-экономических преобразований, связанных с новой экономической политикой. В данной статье мы ограничимся подробным рассмотрением произведений данной категории.

Особо популярные темы для художественной интерпретации в данной категории – осмысление НЭПа и образ нэпмана, вопросы экономического благополучия города, в особенности роста цен и спекуляции.

Рассмотрим образ нэпмана. Для примера обратимся к журналу «Карусель». В 4-м номере журнала печаталось произведение «Нэпман. Современная сказка», в которой автор «перевел на современный нэпмано-русский язык классические сюжеты» [Биба-бо: 6]. По сюжету сказки в 1922 г. лирический герой на ковре-самолете прилетел в Вологду («Грязновато, но ничего, жить можно») и начал исследовать город, удивляясь его «сътости»: «Идет, видит: магазин богатеющий – стекла зеркальные, вина заморские, пряники печатные, лимоны мессинские, масло прованское, чего-чего и не наставлено. Спросил у прохожего гражданина: Скажите, мол, пожалуйста, кто будет этому магазину владелец?»

– Нэпман, – коротко ответил прохожий.

– Нэпман! Ишь, какая звучная фамилия!»

Описание сырой жизни и богатств нэпмана составляют большую часть сказки. Здесь мы выделяем юмористический прием – непонимание героем, кто такой «нэпман», и принятие его за некоего бога-

того иностранца с интересной фамилией. Такое обобщение всего НЭПа с неким абстрактным «дёльцом», а не с кооперативами или государством встречается повсеместно. Это показывает, что вся новая политика воспринималась как явление, которое служит и обогащает не «народ», а лишь «нэпманов». Такое изображение отчуждения богатства от народа и государства в пользу нэпманов ярко показывает отношение к новым реалиям.

Финал сказки расставляет все на свои места: «*Долго ли, коротко ли так он мечтал о чужом счастье, только вдруг видит: ведут по мостового человека. Кругом конвоиров со строгими лицами. Думает: Попался, молодец, видимо, за скверные дела! И спрашивает:*

— Кого ведут?
— Отвечают: Нэпман!
— Как? Тот самый Нэпман, который...

И заплакал чужестранец, проклиная превратность судьбы».

Примечательно, что автор не намекает читателю на причину ареста, позволяя ему самому догадаться, что все богатства, описываемые им, были нажиты нечестным путем. На уровне художественного восприятия автор проявляет некое злорадство как эмоциональную реакцию на социальные перемены и конфликты эпохи. Оно вызвано задетым чувством справедливости в связи с сравнением уровня жизни нэпманов и простого народа. Таким образом, автор использует эти эмоции для усиления драматургического эффекта и подчеркивания конфликта между новыми слоями общества.

Другой подобный пример мы находим в поэме «Поп и НЭП, или На всякого мудреца довольно простоты» [Аверин: 5]. Структура произведений похожа: герой, в данном случае поп, дивится на новую жизнь: ...*По базару захолустный ходит поп... / С только всякого товару, что глаза полезли в лоб! / С кожей, с мясом, с рыбой лавки!»*

И опять герой задается вопросом, в чем же причина внезапного обилия товаров и богатства, и узнает, что она в НЭПе: «*НЭП, должно быть, иностранец! / Русской нет фамильи НЭП! / Швед, француз или испанец / Данный волею судеб. / Видно, малый с капиталом...*»

Финал, однако, неоднозначен. Мы не находим катарсиса – наказания, подобного аресту из предыдущей «сказки». Для попа все кончается оптимистично: «*Накупив жене обновок / Белых булок – поп Ермил / Без излишних установок / Восвояси укатил / Поклоняясь силе слепо / Восхваляя капитал / Поп с тех пор за службой НЭПа / Поминать “за здравье” стал».*

Отношение резидента эпохи к НЭПу проявляется в фразе «поклоняясь силе слепо» и в общем изображении глупого персонажа, который не осознает

сущности новой экономической политики. В произведениях того времени часто встречается общее восприятие НЭПа как непонятного и загадочного явления. Герои зачастую испытывают недоумение по поводу природы НЭПа, путая его с конкретными личностями, фамилиями или именами отдельных лиц. Такое отношение отражает недостаток информированности и сложность восприятия нововведений в обществе, а также показывает разрыв между официальной идеологией и массовым пониманием происходящих изменений.

Поп принимает нэпмана за своего «союзника», как того, кого можно «восхвалять» – в этом проявляется критика, осуждение. Так мы находим тенденцию связывания НЭПа с негативным, антисоветским образом. Религиозные мотивы в новой послереволюционной литературе к 1920-м гг. уже плотно ассоциировались с отрицательными героями, в число которых входила большая прослойка людей, попавших под категорию «бывших» [Баранова: 28].

Другим примером любви «бывших», непролетарских элементов к НЭПу мы находим в газете «Вологодская жизнь», где публиковалась «юридическая фантазия в 2-х картинках с провалом “Экзамен”» [Нэп 1922: 4], описывающая, как старорежимный юрист готовится к экзамену по советскому праву. Так, его подготовка к экзамену превращается в попойку: «*Иванов: Черт возьми! Завтра экзамен, а в голове словно в Жилотделе. Настоящий, кавардак! Вот ежели бы догма или римское право, живо бы вспомнил о то.... Эх! Выпить разве для куражу (пьет). А теперь за здоровье Нэпа! (пьет). А теперь за священную собств.... Кхм... (пьет). А ну еще... за это... как его... (пьет)*». Как и в случае с попом, два осуждаемых образа – «бывший», уважающий собственность, и алкоголь ассоциируются с НЭПом, когда герой пьет за «здравье нэпа».

Таким образом, олицетворение НЭПа населением – частая тема художественных текстов. Непонимание сути новой экономической политики и ассоциация его лишь с богатыми нечестными воротилами-«нэпманами» – черта ментальности населения провинциального города.

Сам нэпман в произведениях – образ негативный, но только с точки зрения сатиры. Осуждения или отрицания в произведениях встречается мало, скорее играют чувства зависти, но не злости. Так, в журнале «Карусель» представлен такой стих про НЭП: «*(Читается нэпманами вместо утренней молитвы). НЕП-репятствуя НЕП обману НЕП-огода / НЕП-одюня, НЕП-однедели, НЕП-одгода. / НЕП-родажа НЕП-оману НЕП-ривычна, НЕП-риятна, НЕП-олезна, НЕП-рактична. / НЕП-латеж НЕП-огашать НЕП-ерестану / НЕП-оперечить НЕП-обману! НЕП-реклонный НЕП, /НЕП-робудет*

НЕП-обман НЕП-редводимый. Чур меня! Чур меня! Чур меня!» [Лесовик: 4]. Эта скороговорка – высмеивание нового образа жизни с новыми капиталистическими ценностями.

Перейдем к рассмотрению художественного осмысления проблемы НЭПа – спекуляции. Термины «спекулянт», «спекуляция», «спекулька», «спекуль» – самые часто встречающиеся в этой категории произведений.

Общее представление о влиянии НЭПа на благополучность жизни горожан выражается в стихе «*До пришествия к нам НЭПа*» [Рош: 3], в начале которого лирический герой рассказывает о трудностях «прошлой» жизни: «*До пришествия к нам НЭПа / Наша жизнь была нелепа: / Хлеба фунт – пятьсот монет / Масла на базаре нет / Ситцы были недоступны / Солью торговать преступно / Все кричали: вольный торг / Бестоварье бы исторг*».

Здесь примечательно признание в ожидании и надеждах на «вольный торг». Однако надежды не оправдались: «*Как дождались мы НЭПа / Стала жизнь совсем свирепа: / Сколько стоил прежде хлеб – / Стоит то теперь пять реп, / В магазинах, на базаре, / Недостатка нет в товаре, / Недоступен только он: Что на веянь – то миллион! <...> Стали все миллионеры / – Только в деньги нету веры. / Всяк спешит скорей их сбить. / Верно, бедным лучше быть*».

И здесь мы встречаем образ нэпмана: «*Кое кто, практичный в жизни. / Избежал дорогоизны, / Забрался в новейший бест – / Поступил на службу в трест. / Тут ему живется вольно... <...> А нэповские дельцы / Нас стригут сильней раз в десять, / И обмеряют, и обвесят, / Обсчитывают, обойдут, / Вокруг пальца обведут*».

В заключение стиха нам важно общее восприятие НЭПа в категориях «хитрости»: «*Скользок, ловок ты и слеп / Господин товарищ НЭП! / Вокруг носу ты все вьешься / Только к руки не даешься / Обещая много нам, / Только мажешь по губам. Как же быть с тобой поэту?*»

Таким образом, фельетонист отмечает, что, несмотря на улучшение материального положения у некоторых жителей города, вера в «торг» утрачена. Люди стремятся к сытости, но одновременно чувствуют и недоверие к новой системе, что отражает социальную напряженность и кризис моральных ценностей эпохи.

В стихотворении ярко выражено отношение автора к новым торговым реалиям: он показывает как позитивные стороны (улучшение жизни для простых людей), так и негативные – рост спекуляции, обманов («обмеряют», «обвесывают», «обведут вокруг пальца»). Образ «нэповских дельцов» символизирует новые социальные противоречия: с одной сторо-

ны, возможность зарабатывать и жить лучше, с другой – спекуляция.

В рубрике «Маленький Фельетон» «Вологодская жизнь» помещает произведение «Разговор оптимиста с пессимистом. (Из обывательских настроений)» [НЭП 1923: 3], где мы находим строчки, демонстрирующие отношение к общей экономической ситуации:

«– *А вас что клонит к мажсору?*»

– *Меня? Да вот хоть бы газеты. Читали, например, заметку о том, что ежедневная выручка каждого из вологодских ресторанов доходит за день до пяти тысяч рублей т. е. до пяти миллиардов по прошлогодней терминологии!*

– *Это по-вашему хорошо?*

– *Конечно. Повышение общей жизнерадостности. А потом от плохой жизни в рестораны не ходят.*

– *А, по-моему, это явление печальное. Пьянство, хулиганство, разврат и прочие пороки, отсюда вытекающие – вот результат ресторанных благополучия.*

– *Ну, батенька, на вас не угодишь.*

– *А видели вы в газете табличку безработных, зарегистрированных биржей труда. Около полуторы тысячи безработных! Это как по-вашему? Благополучие?*

– *Ничего не вижу печального. Во-первых, это результат оздоровления учреждений: большинство безработных бывшие советские служащие.*

Неправильное понимание хозрасчета также было одним из актуальных вопросов на страницах «Вологодский жизни» и «Северянина». Этому посвящен фельетон «Хозрасчет или хозграбеж» [НЭП 1922: 3]: «*В эту ночь я видел сон: Большая площадь. Толпа. Эшафот. Палач с топором. Громовой голос:*

– *Ты такое-сякое учреждение?*

– *Мы-с.*

– *По какому праву ты драло с жильцов миллиарды?*

– *Хозрасчет-с.*

– *Врешь! Это хозграбеж! А знаешь, чем это пахнет?*

– *Не можем знать-с.*

– *Вот он тебе сейчас покажет! И палач взмахнул топором...»*

Такие тексты раскрывали «грабительскую», по мнению фельетонистов газет, суть новой политики. Особое внимание газеты уделяли влиянию НЭПа на подрастающее поколение – в «Северянине» периодически встречаются рассказы о пагубном влиянии НЭПа на детей и подростков. Новый расцвет торговых отношений, по мнению авторов, воспитывает в подрастающем поколении жадность и эгоизм.

Так, примером тому служит маленький рассказ «Картинки жизни». В нем школьники рассуждают о своих мечтах и целях в жизни, выражая общее же-

лание иметь «миллионы» и быть «нэпманами» [Адский: 1922: 4].

При этом в «Красном Севере» НЭПу, экономической и финансовой стороне жизни города уделялось не так много внимания. В партийной газете эта тема построена на оппозиции к достойному, трудовому, пролетарскому образу жизни, а стиль исключает юмор и иронию. Встречаются лишь скучные слова осуждения, как, к примеру, в фельетоне «Тарифная эквилибристика» [Боб: 4]: «*Интересно, задумался ли наш Губпрофсовет над вопросом, чем и как существуют пресловутые «совработники». Где декларированное центром удовлетворение «физиологических» потребностей рабочего и служащего? Где?*

— *На спекульке, — ответим мы. Туда жертвы тарифной эквилибристики волокут свои жалкие пожитки и там эта эквилибристка встречает полное одобрение.*

Конкуренция в торговле — яркий признак расцвета торговых отношений в городе. Волновала вологодских фельетонистов и литераторов, к примеру, тема назойливой рекламы и конфликтов между пивзаводами в Вологде — «Новой Богемией» и «Новой Баварии». В 27-м номере «Вологодской жизни» за 1922 г. представлен взгляд из прошлого на Вологду 1947 г., где конфликт между пив заводами перерос в геополитическое противостояние [Тит Бродяга: 4]. Довольно пугающим видится в этом сатирическом фельетоне предсказание войны России и Германии в 1940-х гг. и то, что пленные немцы будут участвовать в городском строительстве, как было и в реальности: «*Как известно, около того же времени происходила война России с Германией, и в Вологду высыпались пленные немцы. Возможно, что немцев скопилось в Вологде столь изрядное количество, что в один прекрасный день они, пылая жаждой реванши напали на вологжан, победили их, захватили город и поделили его на Баварию и Богемию.*

Интересно, что по поводу этого фельетона высказался «Красный Север» в своей заметке «Мысли вслух» [А.К.: 3]. Автор отвечает на юмористический тон вполне серьёзно, обвиняя в неприглядном изображении будущего города: «*Нэп с эпическим спокойствием летописца повествует о том, как на территории Вологды, накануне восьмисотлетнего юбилея нескладной, деревянной жизни, где несмотря на почтенный возраст, нет ни трамвая, ни канализации, ни настоящего водопровода; где на площадях можно потонуть в грязи, где в век небоскребов, аэропланов, радио, Штейнахов и Эйнштейнов сгорает чуть ли не четверть города, где громадный водный путь живет два три месяца в году, и необъятные пространства богатейшей земли отрезаны от всякого сообщения со столицей края.*

Интереснейшим отражением насущных проблем города была рубрика «Вологодский словарь», дающая определения важным явлениям городской жизни и вышедшая всего в двух номерах в 1922 г. [Нэп 1922: 3]. Здесь под прицелом сатиры оказывается большое количество вопросов, волнующих вологжан. Мы находим и проблемы благоустройства города: дрова в реке, грязь, мостки. «Словарь» обличал и пороки: «танцульки» названы трудовой повинностью, самогонка — важнейшим изобретением. Рубрика обличала НЭП, описаны спекулянты («*Аппетит — предмет первой необходимости для спекулянта. Предмет роскоши для обывателя*») и буржуи («*Буржуй. Новейшее ругательное слово. Когда хотят кого-либо обложить, говорят: «Ах ты буржуй! И дядя твой буржуй, и бабушка буржуйка и дети твои — буржуята!*») На что обычно отвечают: «*От буржуя слышу*»). «Вологодский словарь» позволял и просто шутить: «*Велосипедист. Существо о двух колесах. Колесит где хочет, когда хочет и сколько хочет. / Коза. Существо о четырех ногах. Трет что хочет, где хочет и сколько влезет.*»

В целом анализ показывает, что вологодские газеты эпохи НЭП сосредоточены преимущественно на теме социально-экономических преобразований города, отражая важность периода НЭП для формирования современного облика Вологды. При этом пропагандистская направленность особенно ярко проявляется в газете «Красный Север», где литературные формы служили инструментом идеологической работы с восприятием населением новой экономической политики. В то же время в газетах присутствовали элементы художественной лирики и критики общества, что свидетельствовало о разнообразии жанровых подходов к изображению городской жизни в этот период.

Таким образом, художественные тексты в вологодской периодике эпохи НЭП выступали отражением социально-культурных трансформаций региона, описывая как повседневную жизнь горожан, так и идеологические установки советской власти. Анализ публикаций местных газет позволяет выявить следующие особенности восприятия НЭПа вологжанами:

1. Чертой восприятия НЭПа стало малое понимание сути экономических и социальных изменений новой политики. Исходя из сюжетов произведений, мы заключаем, что зачастую население испытывает недоумение по поводу природы НЭПа. В художественном творчестве это выражается в соотнесении его только с конкретными личностями, что демонстрирует разрыв между официальной идеологией и массовым пониманием происходящих изменений.

2. Художественное осмысление изменений НЭПа населением провинциального города строится только через призму образа «нэпмана» — богатого, нечест-

ного, хитрого дельца. При этом критика его строится на беззлобном, сатирическом высмеивании, а не на отрицании и отчуждении от общества. Сам нэпман в произведениях – образ негативный, но только с точки зрения сатиры. Осуждения или отрицания в произведениях встречается мало, скорее имеет место чувство зависти, но не злости. Образ этот часто соотносится, но не отождествляется с более клишированным негативным, антисоветским образом, к примеру, служителя культа.

3. Общее настроение населения, вызванное НЭПом, скорее удручающее. Несмотря на некоторое улучшение материального положения («изобилие товаров»), вера в «свободный торг» утрачена, так как на ней «наживаются» нэпманы. Произведения раскрывали «грабительскую» суть новой политики, отдельно отмечая негативное воздействие на мораль, в особенности на воспитание подрастающего поколения в атмосфере стремления к обогащению.

Список литературы

Источники

- А. К. Мысли вслух // Красный Север. 1922. 3 янв.
- Адский В. Картинки жизни // Северянин. 1922. 5 июня.
- Аверин И. Поп и НЭП, или На всякого мудреца довольно простоты // Карусель. 1922. № 1. С. 5.
- Боб. Тарифная эквилибристика // Красный Север. 1921. 8 дек.
- Би-ба-бо. Нэпман. Современная сказка // Карусель. 1922. № 4. С. 6.
- Лесовик. Заклинание // Карусель. 1922. № 1. С. 4.
- Нэп. Разговор оптимиста с пессимистом. (Из обычательских настроений) // Вологодская жизнь. 1923. 2 фев.
- Нэп. Вологодский словарь // Вологодская жизнь. 1922. 22 авг.
- Нэп. Хозрасчёт или хозграбеж? // Вологодская жизнь. 1922. 18 июля.
- Нэп. Экзамен // Вологодская жизнь. 1922. 11 авг.
- Рош. До пришествия к нам НЭПа // Северянин. 1922. 4 сен.
- Он. Тоскующие по хлысту // Северянин. 1922. 8 нояб.
- Петр от Вознесенья. Красное решето // Красный север. 1922. 7 июня.
- Тит Бродяга. Бавария и Богемия в Вологде // Вологодская жизнь. 1923. 17 окт.

Исследования

- Баранова Е.С. Социальная категория «бывшие люди». Изучение понятия в современной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. С. 27–29.

Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки города / Ю.К. Некрасов, Р.П. Биланчук, А.В. Суворов и др.; под ред. Ю.К. Некрасова. Вологда: Древности Севера, 2004. 239 с.

Владимиров А. Издавались в городе журналы // Красный север. 1977. 26 апр.

Галиева К.С. Понятие маркера и его виды и функции: эволюция в науке и искусстве // Цифровая наука. 2022. № 2. С. 12–20.

Коковин Н.А. Гражданское население Вологды по переписи 1920 года // Жизнь города. 1922. № 1. С. 10–12.

Лебедев С.А. Финансовые учреждения Вологодского региона в 1920-е годы // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2023. № 3. С. 31–36.

Непеин Б.С. Первая литературная поросль // Красный Север. 1981. 21 июня.

Соколов А.С. Сворачивание нэпа: экономические факторы // ВТЭ. 2020. № 2. С. 122–126.

Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать. 1917–1963. Москва: Госполитиздат, 1963. 442 с.

References

Baranova E.S. *Social'naja kategorija «byvshie ljudi»*. *Izuchenie ponjatija v sovremennoj nauke* [Social category “former people”. Study of the concept in modern science]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], 2014, no. 6, pp. 27–29 (In Russ.)

Galieva K.S. *Ponjatie markera i ego vidy i funkciij: jevoljucija v nauke i iskusstvje* [The concept of a marker and its types and functions: evolution in science and art]. *Cifrovaja nauka* [Digital Science], 2022, no. 2, pp. 12–20. (In Russ.)

Kokovin N.A. *Grazhdanskoe naselenie Vologdy po perepisi 1920 goda* [Civilian population of Vologda according to the 1920 census]. *Zhizn' goroda* [City Life], 1922, no. 1, pp. 10–12. (In Russ.)

Lebedev S.A. *Finansovye uchrezhdenija Vologodskogo regiona v 1920-e gody* [Financial institutions of the Vologda region in the 1920s]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2023, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.)

Nepein B.S. *Pervaja literaturnaja poros'* [The first literary shoots]. *Krasnyj Sever* [Krasny Sever], 1981, 21 june. (In Russ.)

Sokolov A.S. *Svorachivanie njepa: jekonomicheskie faktory* [Curtailment of NEP: economic factors]. *VTJe* [VTE], 2020, no. 2, pp. 122–126. (In Russ.)

Stykalin S., Kremenskaja I. *Sovetskaja satiricheskaja pechat'*. 1917–1963 [Soviet satirical press. 1917–1963]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 442 p. (In Russ.)

Vologda v minuvshem tysjacheletii. Ocherki goroda [Vologda in the past millennium. Essays on the city], Ju.K. Nekrasov, R.P. Bilanchuk, A.V. Suvorov et al.; ed. by Ju.K. Nekrasova. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2004, 239 p. (In Russ.)

Vladimirov A. *Izdavalis' v gorode zhurnaly* [Magazines were published in the city]. *Krasnyj sever* [Krasny Sever], 1977, 26 apr. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 13.09.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 13.09.2025.